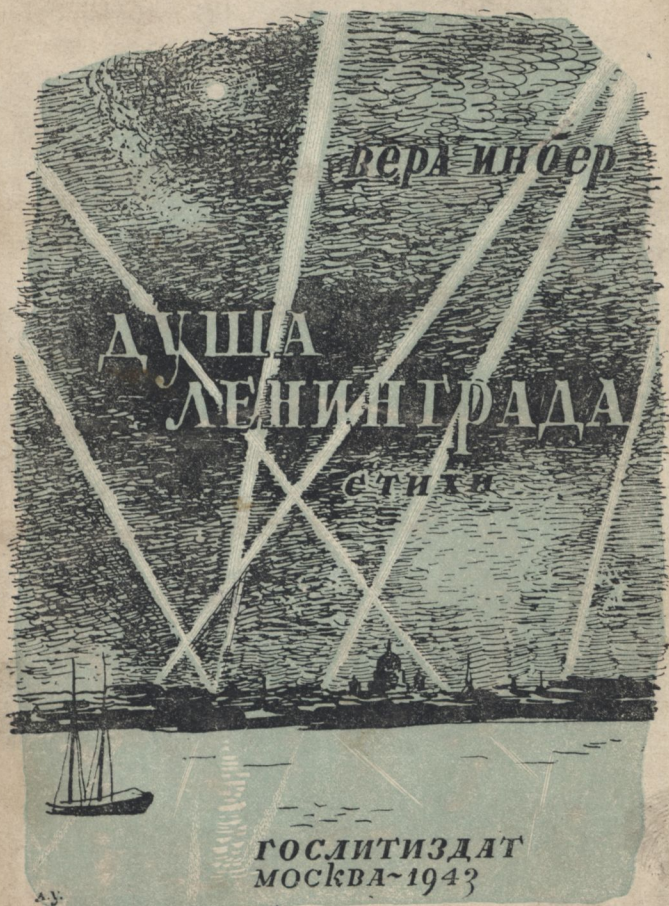

А
1157

А.У.

~~Горк~~ 147/85

кн. 93а

к. XX-43г

✓
В Е Р А И Н Б Е Р

А
И 57

1944

1943

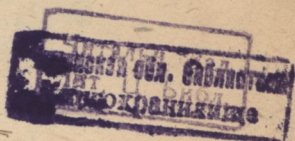
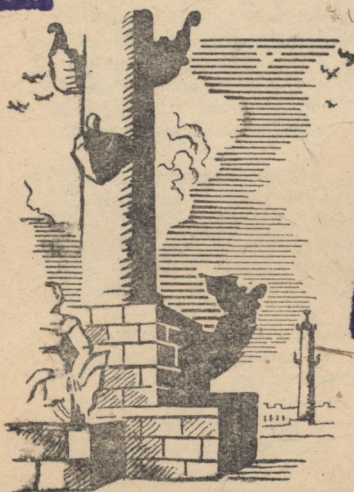
Д У Ш А

Л Е Н И Н Г Р А Д А

1935

14748505

2001

1952

78

ЧИТИНСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
О Г И З

ГОСЛИТИЗДАТ
МОСКВА 1943

2105

A

W-57

1966

1966

~~14785~~ 14785

Фонд редних
книг

486

2012

БЕССМЕРТИЕ

К плеяде столь прославленных имен,
Как Измаил, Полтава, Севастополь,
Причислен должен быть еще и он —
Град Ленина. Его гранитный цоколь
Обрушился тараном на врага,
Зарывшегося в русские снега.

О этот город! Как его пытали..
С земли и с неба, стужей и огнем.
Он голодал. Бледнее лица стали,
Румянец мы не сразу им вернем.
Но даже и тогда, на много лет,
Останется на них особый след.

Какая-то необщая повадка,
Небудничное выражение глаз,
И собеседник, может быть, не раз
Внезапно спросит, озарен догадкой:
«Вы, очевидно, были там... тогда?»
И человек ему ответит: «Да».

И ежели отныне захотят,
Найдя слова с понятиями вровень,
Сказать о пролитой бесценной крови,
О мужестве, проверенном стократ,
О доблести, то скажут: Ленинград, —
И все сольется в этом слове.

Декабрь 1941 г.

ДУША ЛЕНИНГРАДА

Их было много, матерей и жен,
Во дни коммуны, в месяцы Мадрида,
Чьим мужеством весь мир был поражен.
Когда в очередях был хлеб не выдан,
Когда снаряды сотнями смертей
Рвались над колыбелями детей.

Но в час, когда неспешною походкой
В историю вошла, вступила ты, —
Раздвинулись геройские ряды
Перед тобой, советской патриоткой,
Ни разу не склонившей головы
Перед блокадой берегов Невы.

Жилье без света, печи без тепла,
Труды, лишения, горести, утраты —
Все вынесла и все перенесла ты.
Душою Ленинграда ты была,
Его великой материнской силой,
Которую ничто не подкосило.

Не лаврами увенчан, не в венке
Передо мной твой образ, ленинградка.
Тебя я вижу в шерстяном платке
В морозный день, когда ты лишь украдкой,
Чтобы не стыла на ветру слеза,
Утрешь, бывало, варежкой глаза.

Март 1942 г.

ЗАБОТЛИВАЯ ЖЕНСКАЯ РУКА

На вид она не очень-то крепка,
Когда дитя качает в колыбели...
Но как, друзья, сильна она на деле —
Заботливая женская рука!

Она не только пестует свой дом,
Не только нежность к детям ей знакома, —
В родной стране она везде, как дома,
Она в беде прикроет, как щитом.

Когда от бомб в стропилах чердака —
Мгновение — и строенье загорится,
Она уже в пожарной рукавице —
Заботливая женская рука.

Под градом пуль, под орудийный гром,
Под гул артиллерийского приboя
Она бесстрашно вынесет из боя
И раны перевяжет под огнем.

Ей ведомы лопата и кирка,
Она копает рвы, кладет настилы.
Она работает с неженской силой —
Заботливая женская рука.

За родину, за свой родной очаг,
За детскую каштановую чолку,
За детский голос, чтобы не умолк он.
За город, чтоб в него не вторгся враг.

За благородство жизненных путей
Бестрепетно она любого гада
За горло схватит, если это надо, —
Попробуй, вырвись из ее когтей!

Открытая, все жилки в ней видны,
Бесхитростная, вся как на ладони...
И горе тем, кто честь ее затронет,
Кто посягнет на мир ее страны.

Она ответит щелканьем курка,
Движением затвора... чем придется!
Враг не уйдет. Она не промахнется —
Заботливая женская рука.

Сентябрь 1941 г.

ЖЕНЩИНЕ!

Ты можешь быть с ним связана судьбой,
На всех меридианах и широтах
Делить с ним кров и пищу, труд и отдых,
В любой беде прикрыть его собой.

Ты можешь им гордиться без конца,
Растить ему желаннейшего сына,
С единым чувством, с мыслию единой:
«Как он похож на своего отца!»

Ты можешь для него забыть весь мир,
Сгорать от зноя, леденеть от стужи,
Но если ты случайно обнаружишь,
Что твой любимый — трус и дезертир,

Что он затрепетал при слове «враг»,
Что он бежал позорно с поля боя, —
Тогда ты вспыхнешь: «Что ж это такое!»
Ты побледнеешь: «Как же это так?»

И ты, его подруга с давних пор,
Ему легко отдавшая полжизни,
Его измену матери-отчизне
Воспримешь ты как собственный позор.

Когда ж он ступит на твое крыльцо,
Безмолвный, бледный, мучимый тревогой,
О женщина! ты встанешь у порога
И ненависть швырнишь ему в лицо.

И с этого мгновенья ты начнешь
За сыном наблюдать с ревливой страстью
И думать про себя: «Какое счастье,
Он на отца как будто не похож!»

Октябрь 1941 г.

ДНЕВНОЙ КОНЦЕРТ

В течение концерта дневного,
В звучанье Чайковского — вдруг
Ворвался из мира иного
Какой-то непрошенный звук.

То подняли голос сирены,
И следом за ними, в упор,
С воздушной донесся арены
Зениток отчетливый хор...

По правым и левым пролетам
Спустились мы в первый этаж,
Мы слышали тон самолетов,
Мы знали его: это наш.

Могучие летные звенья, —
Мелодия их все быстрей,
Мы жадно ловили вступленья
Зенитных морских батарей.

Басовым гудением полон
Был весь небосвод над Невой.
И вдруг — серебристое соло:
Пропели фанфары отбой.

И поднялись снова тогда мы,
И снова увидели свет.
И снова из «Пиковой дамы»
Любимый раздался дуэт.

Создание родного поэта,
Сумевшее музыкой стать...
И только подумать, что это
Хотят у нас немцы отнять!

Так нет же! Далек или близок,
Он грянет, громовый раскат,
Чтоб русскую девушку Лизу
Спасти от фашистских солдат.

Советские танки и пушки —
Грядущей победы залог,
Чтоб жили Чайковский, и Пушкин,
И Глинка, и Гоголь, и Блок.

И чтобы созвездие башен
Кремлевских поверх облаков
Сияло над родиной нашей,
Как солнце, во веки веков.

Октябрь 1941 г.

ТРАМВАЙ ИДЕТ НА ФРОНТ

Холодный, цвета стали,
Суровый горизонт...
Трамвай идет к заставе,
Трамвай идет на фронт.

Фанера вместо стекла,
Но это ничего;
И граждане потоком
Вливаются в него.

Немолодой рабочий, —
Он едет на завод,
Который дни и ночи
Оружие кует.

Старушку убаюкал
Ритмичный шум колес:
Она танкисту-внуку
Достала папирос.

Беседа с сестрою
И полковым врачом,
Дружинницы — их трое —
Сидят к плечу плечом,

У пояса граната,
У пояса наган,
Высокий, бородатый —
Похоже, партизан;

Пришел помыться в баньке,
Побыть с семьей своей,
Принес сынишке Саньке
Немецкий шлем — трофей.

И снова в путь-дорогу,
В дремучие снега,
Выслеживать берлогу
Треклятого врага,

Огнем своей винтовки
Вести фашистам счет...
Мелькают остановки,
Трамвай на фронт идет

Везут домохозяйки
Щедрый свой паек.
Грудной ребенок в байке —
Откинут уголок —

Глядит (ему все ново).
Гляди, не забывай
Крещенья боевого, —
На фронт идет трамвай.

Дитя! твоя квартира
В обломках. Ты — в бою
За обновление мира,
За будущность твою.

Ноябрь 1941 г.

ОБРАЩЕНИЕ К ОДЕССЕ

Овеянная черноморским ветром,
Оправленная в пенистый прибой,
Две тысячи... нет, больше километров,
Одесса, разделяют нас с тобой.

Степная воля и морская сила,
Простор, влекущий в дальние края, —
Таким тебя мне память сохранила,
Чудесный город, родина моя.

Сейчас, под небом севера угрюмым,
Твои я вижу южные черты:
Твой ясный кругозор, твой светлый юмор,
Твой горизонт высокой красоты.

Ты слышишь ли меня? Из Ленинграда
Я шлю тебе дочерний свой привет.
Вокруг тебя пальба и канонада
И так же, как и здесь, погашен свет.

И так же, как и здесь, горит отвага,
Которую ничем не погасить.
И так же, как и здесь, под алым стягом
Одессу защищает одессит.

Одной и той же доблестью гордиться
Дано сейчас обоим городам.
Один и тот же блеск морских традиций:
Балтийцы здесь и черноморцы там...

Не так давно вдоль Невки, в час заката,
В количестве, примерно, двадцати,
Шла группа бескозырок и бушлатов
С красавцем-гармонистом впереди.

Вдруг — вой сирены. Началась тревога,
И бомба, словно выследив их путь,
Бабахнула. Ошиблась не намного...
И что же — гармонист умолк? Ничуть!

И что же — песня дрогнула? Нимало!
Вот точно так, не дорожа собой,
Как будто вылитые из металла,
Один в один, идут балтийцы в бой.

Вот точно так же, распахнувши ворот,
Вдыхая ветер моря, не реки,
С фашистами за свой родимый город
Одесские дерутся моряки.

Вот точно так в Одессе напряженной,
Вливая бодрость в мужа и отца,
Сильны душою матери и жены,
Мужской закалки женские сердца.

На этих женщин, с воинами рядом,
Глядит страна, дыханье затая.
Привет тебе! Привет из Ленинграда,
Чудесный город, родина моя!

Октябрь 1941 г.

ЕДИНЫЙ ПУТЬ

Можайск, Калинин, Малоярославец...
Какие это русские места!
Еще был молод Петербург-красавец,
Еще Нева была полупуста,

А там уже раздвинулись простором
Тверские и можайские леса,
А там, в Москве, уже являлась взорам
Кремлевских башен древняя краса.

Когда, внезапно перешедши Неман,
Приблизился к Москве Наполеон,
Он встречен был огнем, пожаром гнева.
Он ненавистью был испепелен.

И вот опять истории страница
Покрыта кровью подмосковных битв.
Тремя путями враг к Москве стремится, —
Путем единым будет он отбит:

И этот путь — такая жажда мести,
Когда тебе и жизнь недорого!
Когда ты сам хотел бы с пулей вместе
Войти летучей смертью в грудь врага.

Живую силу немцев уничтожить!
Движение их танков задержать!
Москва... Она не русской быть не может,
Как человек не может не дышать.

Ноябрь 1941 г.

РОДИНА, ОТОМСТИМ!

От хвойных камчатских сопок
До персиковых садов,
От поля, где зреет хлопок,
До моря, где бьют китов.
От снежных высот Памира
До недр, где блесит руда, —
Мы были строною мира,
Мы были строною труда.
Теперь города и села,
В которые вторгся враг,
Зияют мертво и голо:
Развалины. Холод. Мрак.
Разгромленные в Полесьи,
Разгромленные в степи,
Они вопиют о мести,
Требуют: «Отомсти!»
Взорванные плотины,
Вздыбленные пути —
Все изнывает единым
Возгласом: «Отомсти!..»

Что это, гул несется?
Гром ли гремит вдали?
Нет, то страна клянется,
Каждая пядь земли.
Тем, что всего дороже,
Тем, чем она горда:
Волга клянется рожью,
Медью — Караганда.
Нефтью клянется Каспий,
Золотом — Енисей,
Школьник в пожарной каске —
Молодостью своей.
Старая мать — любовью,
Тем, что на фронте сын,
Воин — своею кровью:
«Родина, отомстим!»

Ноябрь 1941 г.

ПУЛКОВСКИЙ МЕРИДИАН

Поэма

Глава первая

МЫ ГУМАНИСТЫ

1

В пролет меж двух больничных корпусов,
В листву, в деревья золотого тона,
В осенний лепет птичьих голосов
Упала утром бомба весом в тонну.
Но не взорвалась. Словно был металл
Добрей того, кто смерть сюда метал.

2

Здесь госпиталь. Больница. Лазарет
Здесь красный крест и белые халаты.
Здесь воздух состраданьем согрет.
Здесь бранный меч на гипсовые латы,
Укрывшие простреленную грудь,
Не смеет, не дерзает посягнуть.

Но немец выжег кровью и железом
 Все эти нормы. Тишину чалат
 Он превращает в судорожный ад.
 И выздоравливающий с протезом,
 Храбрец, блестяще выигравший бой,
 Бледнеет, видя смерть перед собой.

А вестибюль приемного покоя...
 Там столько жертв! Их привезли сейчас.
 Все эти лица, голоса... какое
 Перо опишет? Девушка без глаз
 (Они полны осколками стекла)
 Рыдает, что она не умерла.

Фашист!.. Что для него наш мирный кров,
 Где жизнь текла, исполненная смысла.
 Где столько пролетало вечеров
 За письменным столом?! Теперь повисла
 Над пустотой развалина стены,
 Где полки книг еще сохранены.

Что для него, для немца, русский дол,
 Голландский сад, норвежская деревня?
 Что для него плодовые деревья,
 Речная пристань, океанский мол?
 Все это авиамишени,
 Все это лишь объекты разрушений.

Умение летать!.. Бесценный дар!
 Взлелеянная гениальным мозгом
 Мечта! Впервые на крылах из воска
 Взлетает к солнцу юноша Икар
 Затем ли, чтоб на крыльях «Мессершмиттов»
 Витала смерть над современным Критом?

Затем ли итальянец Леонардо
Проникнуть тцился в механизм крыла,
Чтоб в наши дни, в Берлине, после старта
Фашистская машина курс взяла
На университетские аллеи
Времен еще Декарта и Линнея?

В Америке затем ли братья Райт
В двадцатом веке покорили воздух,
Чтоб в тучах дыма задыхались звезды?
Чтоб сектор неба, горизонта край
Тонул в огне, чтоб зарево вставало
От Невки до Финляндского вокзала?

Затем ли величайшие умы
Приветствовали солнце на высотах
И знания мед копили в книжных сотах,
Чтобы пещерное исчадь тьмы,—
Весь обгаренный заревом,— теперь
Над миром встал бы человеко-зверь?

Как грозен неба вид! Как необычен!
Как глухо полыхают жерла туч
В часы ночных боев, когда зенитчик
Прожектористу говорит: «Дай луч!»
И бледный луч на поиски врага
Вздымается, как грозная рука.

Нашла его. Нашарила за тучей.
К земле его! Чтоб оземь головой,
Чтоб подняли его моторы вой,
Чтобы сгорел он в собственном горючем,
Чтобы железный этот нетопырь,
Ломая крылья, пал бы на пустырь!

Не вырваться из наших рук, шалишь!..
 Он мечется. Движения все резче.
 Он падает. И, видя его с крыш,
 Пожарные дружины рукоплещут,
 И, слыша это снизу, со двора,
 Дежурные во тьме кричат «ура»...

Есть чувства в человеческой душе,
 Которыми она гордиться в праве.
 Но не теперь. Теперь они уже
 Для нас как лишний груз при переправе.
 Влюбленность. Нежность. Страстная любовь...
 Когда-нибудь мы к ним вернемся вновь.

У нас теперь одно лишь чувство — месть.
 Но мы иначе понимаем это:
 Мы отошли от Ветхого завета,
 Где смерть за смерть. Нам даже трудно счесть...
 С лица земли их будет сотни стертых
 Врагов за каждого из наших мертвых.

Мы отомстим за все: за город наш,
 Великое творение Петрово,
 За жителей оставшихся без крова,
 За мертвый, как гробница, Эрмитаж,
 За виселицы в парке над водой,
 Где стал поэтом Пушкин молодой.

За гибель петергофского «Самсона»,
 За бомбы в Ботаническом саду,
 Где тропики дышали полусонно
 (Теперь они дрожат на холоду), —
 За все, что накопил разумный труд,
 Что немцы превратили в груды груд.

Мы отомстим за юных и за старых:
 За стариков, согнувшихся дугой,
 За детский гробик, махонький такой,
 Не более скрипичного футляра.
 Под выстрелами, в снеговую муть,
 На саночках он совершал свой путь...

Мы гуманисты, да! Нам дорог свет
 Высокой мысли (нами он воспет).
 Для нас сиянье светлого поступка
 Подобно блеску перстня или кубка,
 Что переходит к сыну от отца,
 Из века в век, все дале, без конца.

Но гуманизм не в том, чтобы глядеть
 С одною лишь горчайшей укоризной,
 Как враг глумится над твоей отчизной,
 Как лапа мародера лезет в клеть,
 И с прибежавшего на крик домой
 Срывает шапку вместе с головой.

Как женщину, чтоб ей уже не встать,
 Ефрейтор-немец сапогами топчет.
 И как за окровавленную мать
 Цепляется четырехлетний хлопчик,
 И как — нарочно по нему пройдя —
 Танк давит гусеницами дитя.

Сам Лев Толстой, когда бы смерть дала
 Ему взглянуть на Ясную Поляну,
 Своей рубахи, белой, как зима,
 Чтоб не забрызгать кровью окаянной,
 Фашиста, осквернителя могил,
 Он старческой рукой бы задушил...

От русских сел до чешского вокзала,
От крымских гор до Ливии пустынь,
Чтобы паучья лапа не всползала
На мрамор человеческих святынь, —
Избавить мир, планету от чумы —
Вот гуманизм. И гуманисты — мы!

А если ты, Германия, страна
Философов, обитель музыкантов,
Своих титанов, гениев, талантов
Предавши поруганью имена,
Продлишь кровавый гитлеровский бред,
Тогда тебе уже прощенья нет.

147485
Запомнится тебе ростовский лед,
Не позабудешь клинскую метель ты
И синие морозы невской дельты.
И в грозном небе Пулковских высот,
Как ветром раздуваемое пламя,
Победоносно реющее знамя.

Октябрь 1941 г. — январь 1942 г.

ТАМ, ГДЕ ВЫ, — ТАМ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Говорят партизаны: «С волнением
Мы глядим на тебя, Ленинград:
Увезем мы в родные селенья
Образ твой, наш товарищ и брат.

Грозным полымем, огненным ветром
Отвечая на вражеский дым,
Девять тысяч шестьсот километров
Держим мы под контролем своим».

Говорит Ленинград: «Честь и слава
Сердцу русскому, русской душе!
Это родина доблесть дала нам
Устоять на своем рубеже,

Стать грозой немецкого тыла,
Стать надеждой родного села.
Это родина нас окрылила
На великие наши дела»

В нашей пуле — особая сила,
В цель не может она не попасть.
Там, где вы, — там фашизму могила!
Там, где вы, — там советская власть!

Апрель 1942 г.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЕСНА

Уже по влажному асфальту шины
Свой первый отпечатывают след.
Окрашены военные машины
Уже не в белый, а в зеленый цвет.
Забывший возрождается трамвай.
Идет уборка. На пороге — май.

Большое государственное дело:
Родимый город должен быть здоров.
И на очистку улиц и дворов
Выходят все. Лопата заблестела.
Недаром же она, во льду, в снегу,
Была в те дни приравнена к штыку.

У девушки рассыпалась коса.
Ей стало жарко. Из-под зимней кепки
Подснежниками — синие глаза.
Ей в руки бы лесных цветов охапки,
Но даже в этом ватнике — она
Все та же воплощенная весна.

Чтоб солнце пригревало горячо,
Чтоб лед не задержался перед домом,
Она его дробит блестящим ломом —

Нелегким, от него болит плечо.
Зато какой сияющий поток
Благодаря ему легко потек!

В нем отразилось золото заката,
И в синеве патрульный самолет,
И эхо орудийного раската,
И трудности, и мужества полет.
В нем было все. Как в зеркале ясна,
Вставала ленинградская весна.

Май 1942 г.

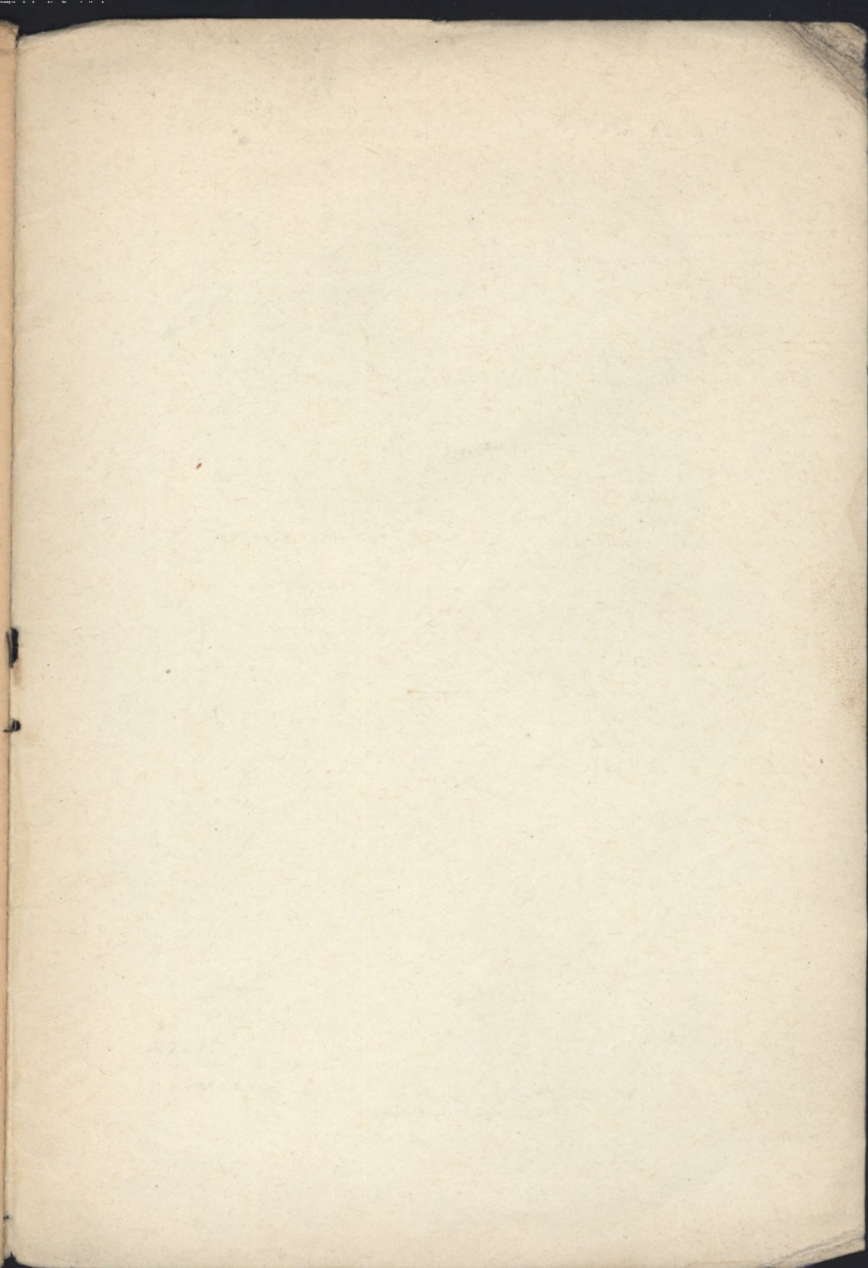
ОГЛАВЛЕНИЕ

Бессмертие	3
Душа Ленинграда	4
Заботливая женская рука	4
Женщине!	5
Дневной концерт	6
Трамвай идет на фронт	7
Обращение к Одессе	9
Единый путь	10
Родина, отомстим!	11
Мы гуманисты. (Глава из поэмы «Пулков- ский меридиан».)	12
Там, где вы, — там советская власть	17
Ленинградская весна :	18

Редактор В. Казин

A457 Подп. к печати 17/V 1943 г. Зак. 108
 $\frac{3}{4}$ печ л. Цена 1 р. 25 к. Тир. 25 000

2-я типография изд-ва «Московский большевик»,
 Москва, Петровка, 17.

1 р. 25 к.